

Внеплановая беременность

Автор:

Валентина Кострова

Внеплановая беременность

Валентина Кострова

Курортный роман бывает с последствиями. Любимый человек, узнав о том, что я беременна, отказывается принимать ребенка и меня. Он предлагает мне деньги, чтобы я самостоятельно решила вопрос с малышом: посылает на аборт. Появляется ощущение загнанности и безвыходности. Я встречаю мужчину, который становится не просто другом, а самым важным человеком в моей жизни, опорой в трудный момент.

Валентина Кострова

Внеплановая беременность

Глава 1

Аня

– Вы записаны на встречу к Дмитрию Алексеевичу? – на меня равнодушно смотрит очень красивая девушка. Я таких видела только в Инстаграме и на обложках глянцевого журналов, что продаются в палатках возле автовокзала в моем родном городе.

– Нет, но мне очень нужно с ним увидеться, – мне стыдно перед этой красоткой за свой простой внешний вид: хлопковое платье в мелкий цветочек, бежевые балетки и обычные две косички, за которые Дима так любил, смеясь, меня дергать.

– Извините, но у Дмитрия Алексеевича все расписано, он не сможет вас принять, – с нотками высокомерия и пренебрежения чеканит девушка за стойкой администратора, утыкаясь вновь в экран белого монитора.

Я растеряно стою возле стола и не знаю, что делать дальше. Весь мой план сводился к тому, что приеду в Москву, встречу с Димой, мы поговорим и все решим. Что делать теперь?

– Не могли бы вы ему сообщить, что его хочет видеть Аня Романова, – делаю еще одну попытку прорваться к жутко занятому Дмитрию Алексеевичу, а ведь и не скажешь, что балагур, юморист, которого я знаю, это тот самый Дима.

– Девушка, – красавица явно раздражена, – у нас все встречи строго по записи. Даже если я скажу, что пришла какая-то Аня Романова, не факт, что Дмитрий Алексеевич сможет вас принять.

– Мне нужно всего пять минут.

– Девушка...

– Алиса, передай документы Ворохову, – раздается за моей спиной тот самый голос, от которого я млела весь июнь, от которого у меня и сейчас мурашки по коже. Я оборачиваюсь, не сдерживая своей счастливой улыбки.

– Аня? – Дима удивлен, но тем не менее улыбается в ответ. – Какими судьбами? – он окидывает меня заинтересованным взглядом, я непроизвольно выпрямляю спину и трогаю кончики своих косичек.

– Мне нужно с тобой поговорить, – крепче сжимаю свою сумочку, взволнованно облизываю губы. Его взгляд вспыхивает, но тут же гаснет, как перегоревшая лампочка. Понятно, что ему не хочется показывать свои истинные чувства перед сотрудниками.

– Пойдем в кабинет, у меня есть несколько свободных минут. Чай, кофе?

– Ничего не надо, – мотаю отрицательно головой, скованно улыбаюсь. Вот я добилась своего, а как быть дальше, не знаю. Я смотрю на спокойное лицо Димы и не представляю, как онотреагирует на мою новость. В моих фантазиях он радуется, но сейчас интуиция шепчет мне: осторожно подбирай слова.

– Насколько я помню, ты Москву не жаловала. Планы изменились? – Дима пропускает меня первой в свой большой кабинет. Рассеянным взглядом окидываю просторное помещение. Ничего особенного: большой дубовый стол, два офисных кресла перед ним, возле окна переговорный стол на несколько человек.

– Москва – большой город, я даже умудрилась в метро пару раз проехать нужную станцию, поплутала по улицам, пока нашла твой офис. Я люблю города поменьше, – нервно улыбаюсь, с готовностью присаживаюсь в кресло, на которое указывает Дима. Сам он садится во главе стола, в ожидании устремляет на меня свои безумно красивые глаза.

Все же представлять, как пройдет разговор, намного проще, чем даже просто его начать. Хоть и дико нервничаю, не опускаю глаза, с восторгом в груди рассматриваю Диму. Я безумно по нему скучала. Мне было мало наших редких звонков, нашей переписки, нашей болтовни по «скайпу». Общаться на расстоянии тяжело, то и дело проскальзывали и портили настроение ненужные мысли, подозрения.

– Где ты остановилась? Работу подыскиваешь? Я, конечно, могу помочь, у меня есть знакомые, которым требуется помощница, но не обещаю золотых гор. – Дима открывает ежедневник, что-то в нем записывает, а у меня в горле ком, не дающий и слова произнести. Сильнее стискиваю сумочку.

– Я беременна, – задерживаю дыхание, прислушиваясь к звенящей тишине. Все складывается, как в моем страшном сне. Дима поднимает на меня застывший взгляд, бледнеет. На его лице нет и тени радости, губы нервно дергаются.

– То есть?

– Шесть недель, – не выдерживаю и опускаю глаза на сжатые кулаки. Мне должно стать легче после признания, но ничего подобного не происходит, наоборот, чувствую, как тяжесть реальности придавливает меня.

– Это как-то неожиданно... – слышу звук отодвигаемого стула. Украдкой бросаю на мужчину взгляд. Дима подходит к окну, замирает перед ним. Утешает то, что не стал задавать глупых вопросов: ты уверена? точно я отец?

– Да, неожиданно. Совсем внепланово. И что ты будешь делать? – вскидываю голову и сквозь слезы смотрю на размытый силуэт Димы. То есть я действительно слышу «ты» вместо «мы». Отвожу взгляд в сторону, вытираю ладонью предательскую влагу и вновь смотрю на мужчину.

– Я думала, что мы вместе придумаем что-то.

– Вместе? – Дима удивленно вскидывает брови, хмыкает. – Нет, конечно. Я могу помочь тебе деньгами на решение этой проблемы, – он смотрит так, что я рефлекторно прикрываю руками свой живот. Не понимаю, как ему вообще могла прийти в голову эта мысль.

– Я оставлю ребенка.

– Тогда разбирайся с этим, – выразительно кидает взгляд из-под бровей на мой еще плоский живот, но в котором уже живет наш с ним малыш, – сама.

– Сама? – наверное, со стороны я похожа на дурочку, я никак не могу взять себя в руки. Все мои мысли, весь мой план сводился к тому, что Дима вместе со мной возьмет ответственность за последствия совместного времяпрепровождения.

– Да. Если решишь оставить ребенка, не рассчитывай на меня. Ты серьезно думаешь, что мне нужен этот ребенок? – в его зеленых глазах совсем нет тех искрящихся чувств, что я видела в них, когда мы были вместе. – Послушай, Аня, ты думала, что наши с тобой отношения подразумевали что-то серьезное?

Думала. Конечно, думала. И поэтому бежала на каждую встречу сломя голову. И поэтому доверилась ему и позволила нашим отношениям перейти в нечто более серьезное, чем прогулки за ручку и поцелуи.

- То есть ты отказываешься? - голос предательски дрожит.

- Да.

Глава 2

Как вышла из бизнес-центра, не помню. На автомате прохожу остановку, иду вперед, врезаюсь в людей, поспешно извиняюсь и вновь иду куда глаза глядят. Как так? Почему он так со мной поступил? Всхлип вырывается из груди, зажимаю рот руками и сворачиваю в сторону маленького сквера. Присаживаюсь на ближайшую скамейку, обнимаю свой живот и смотрю перед собой.

Что делать? Возвращаться к родителям в поселок с малышом под сердцем? Маму хватит инфаркт, у нее и так слабое сердце, а тут я «с позором», отец точно устроит взбучку: принесла в подоле. Они ведь так гордились, что я уехала в город, устроилась работать, стала помогать им деньгами. И тут такое...

Меня душит безысходность, страх перед будущим, потому что я не представляю, как мне одной жить с ребенком. Главное, на что жить. Дима ясно дал понять свою позицию: ему ни я, ни малыш не нужны. У него свои планы на жизнь. Я для него приятный эпизод. Эпизод? Как можно быть настолько двуличным? Ведь уверял, что такой прекрасной, как я, у него никогда не было и не будет. Сама виновата, что развесила уши, повелась на его красивые речи и красивые глаза, головой думать надо было, но, когда любишь, доводы рассудка не слышишь.

Достаю мобильный телефон, захожу в приложение банка, проверяю баланс. Денег у меня немного. Если я останусь в Москве, мне хватит, чтобы два месяца платить за комнату, которую сняла, и на скромное питание. Только вот смысла оставаться в столице нет, если только Дима завтра утром не передумает. Сердце наполняется надеждой. Да. Он обязательно передумает, ночью над всем поразмыслит и позвонит мне утром. Я верю, что все неприятные слова он сказал под воздействием шока. Я ведь сама несколько дней была в шоке, когда тест на беременность показал две полоски.

Немного успокоив себя, с улыбкой встаю со скамейки и иду в сторону метро. Я очень устала, встреча с Димой, нервный разговор истощили меня. Сейчас доеду до ВДНХ, там мне еще предстоит проехать на троллейбусе две остановки до дома, в котором сняла комнату у одной пожилой женщины. Ее адрес дала мне девочка, коллега по работе. Она жила в Москве, прежде чем переехать на юг России. Созвонилась с Полиной Сергеевной, и она любезно согласилась забронировать мне комнату на неделю.

– Полина Сергеевна, я пришла! – снимаю балетки, торопливо иду в самую большую комнату в этой квартире.

– Как? Уже? Ой, что-то я засиделась с вязанием, – Полине Сергеевне примерно шестьдесят лет. Ее сложно назвать бабушкой, потому что она очень молодо выглядит. Каждое утро у нее определенный ритуал: делает себе прическу, увлажняет кожу лица, потом аккуратно накладывает неброский макияж. Вечером она молочком снимает макияж, делает маску, потом опять увлажняющий крем, и только после этого Полина Сергеевна ложится спать. Ко сну она отходит строго в половине десятого, после новостей. Она любит поговорить об искусстве, больше о театре. Подозреваю, что в прошлом была либо заядлой театралкой, либо актрисой какого-нибудь провинциального театра. И, вероятно, вышла замуж за московского режиссера и переехала в столицу.

Я не знаю, почему Полина Сергеевна сдает комнату, на первый взгляд, она не особенно нуждается в деньгах. В квартире современная мебель, на кухне вся основная техника, даже посудомоечная машина, а это могут себе позволить не все пенсионеры. Возможно, у нее состоятельные внуки и дети, а сдает комнату от одиночества? Пожилые люди часто этим страдают даже при наличии живых близких родственников, которые вечно заняты своими делами.

– Как прошла твоя встреча? – меня подкупает интерес Полины Сергеевны, хочется на мгновение представить, что кому-то действительно есть дело до твоих проблем. Еще, глядя в ее умные карие глаза, хочется довериться, поплакаться.

– Наверное, хорошо. Не совсем так, как я ожидала. Спасибо, – подвигаю к себе чашку с чаем, Полина Сергеевна тут же двигает в мою сторону корзинку со свежей выпечкой. Она печет очень вкусные булочки с маком, корицей, сахарной пудрой. Когда я приехала, у нее на столе были пирожки с мясом. Именно ими

женщина меня угощала в день нашего знакомства.

– Это по поводу работы?

– Не совсем, – врать мне не хочется, но и правду я не готова говорить. – Я встретила с одним очень дорогим мне человеком.

– О, понимаю, – действительно понимающе кивает головой и улыбается. – Когда-то я тоже приезжала в столицу к одному человеку, который был мне дороже всех на свете, – Полина Сергеевна задумывается. – Но ожидания и реальность не совпали. Кушай, совсем худенькая, ветром сдует.

Благодарно улыбаюсь, откусывая большой кусок булочки, запиваю чаем. После такого плотного перекуса меня тянет в сон. Вообще, меня в сон тянет весь последний месяц. Раньше я думала, что это от усталости на работе, как-никак лето – пик сезона на морском побережье. Теперь я знаю причину своего сонного состояния, и мне следует подумать, что же делать дальше, как обеспечить себя и не родившегося еще малыша всем необходимым. Здравый смысл подсказывает, что рассчитывать на благоразумие Димы не стоит, но сердце верит, оно хочет верить, что все обойдется, что Дима будет рядом с нами.

Раздается звонок. Полина Сергеевна, расставляя посуду в сушилку, бросает вопросительный взгляд на часы. Поспешно вытирает руки кухонным полотенцем, проходя мимо меня, улыбается. Я пожимаю плечами, допиваю чай, встаю. Включаю воду, начинаю споласкивать чашку.

– Ты бы хоть предупредил, что приедешь, я бы ужин приготовила, – слышу взволнованный голос Полины Сергеевны за своей спиной. Оборачиваюсь.

– Вылет переносили несколько раз, поэтому я сам не знал, когда прилечу, – раздается приятный мужской голос. На кухню заходит мужчина. Первое, что бросается в глаза, – густая темная борода, как у лесника. Потом попадаешь в плен темных глаз, обрамленных густыми ресницами. Темные брови при виде меня смещаются к переносице, мужчина хмурится, его взгляд тяжелеет. Борода не скрывает сжатые в тонкую линию губы. Он большой. Крупный. Широкие плечи обтягивает тонкий хлопок темно-синей рубашки. Черные джинсы плотно сидят на бедрах. Я бы сказала про него: мужественно красивый.

– Здравствуйте, – приветливо улыбаюсь незнакомцу, вежливо кивает мне в ответ:

– Здравсти, – смотрит вопросительно на Полину Сергеевну.

– Это Аня, приехала из Геленджика. Аня, это мой сын Никита.

– Очень приятно, – мну в руках полотенце, думаю, протягивать руку в знак знакомства или нет.

– Взаимно, – по тону Никиты все понятно: он явно не в восторге от нашего знакомства. Вешаю полотенце на крючок, юркаю в сторону выхода из кухни. Для этого мне приходится почти вплотную пройти мимо сына Полины Сергеевны, так как он не собирается отходить в сторону. Мы встречаемся глазами, он прищуривается, еще больше хмурится, я поспешно отвожу глаза в сторону. Меня смущает его присутствие. Я как-то привыкла, что с Полиной Сергеевной нас двое, посторонний мужчина не вписывается в выстроенную мной картину.

Глава 3

Никита

Просыпаюсь раньше будильника на полчаса. Смотрю сквозь ресницы на дверцы шкафа. Вернуться в родные пенаты, завалиться на нормальную кровать – это все, о чем я мечтал последние сутки. Вылет переносили, переносили, уже думал, что придется лететь домой окольными путями, но время вылета все же назначили. Полная неожиданность меня ждала в квартире матери. Я никак не думал увидеть у нее какую-то малолетнюю девочку с большими голубыми глазами, с милыми веснушками, с двумя светлыми косичками, в платье в мелкий цветочек.

Поговорить с матерью о девушке не было возможности. Я слишком устал с дороги, чтобы вести долгие разговоры, а мать и рада отложить все на неопределенное время. Сейчас, разглядывая темную панель дверного шкафа, прислушиваюсь к звукам квартиры. Интересно, девочка проснулась? Студентка?

На личико – вчерашняя школьница, но я успел отметить приятные округлости фигурки, и, поймав себя на этом, чертыхнулся. Все, Смоллов, крыша у тебя поехала от этой командировки, раз уже заглядываешься на юную барышню. Нужно созвониться с Лидой, встретиться. Лида терпеливо ждет, когда я созрею для создания семьи, а я все продолжаю делать вид, что ничего не понимаю. Однако даже такая терпеливая может однажды уйти в закат. Вздыхаю, пора уже возвращаться к себе домой, где ждет жена с горячим ужином, а не к матери, которая тоже накормит, но не скрасит мужское одиночество.

Пора вставать. Нужно будет заехать в офис, написать отчет по командировке, пообщаться с коллегами, узнать все новости предприятия. И получить следующее задание: я не собираюсь надолго задерживаться в Москве.

Выхожу из комнаты, слышу, как на кухне суетится мать, целенаправленно иду ванную комнату. Недовольно смотрю на поврежденный замок, нужно достать с балкона инструменты, пока я в городе, все починить, подкрутить. Смотрю в зеркало, провожу ладонью по бороде. М-да, в Новый год можно подрабатывать Дедом Морозом, спреем покрасив бороду в белый цвет. Хмыкаю, беру со стиральной машины свой несесер, достаю триммер. Укорачиваю бороду до щетины. Постричься стоит зайти к Лиде. Вот и повод для встречи, а там посмотрим по обстоятельствам.

Включаю воду в душе, пробую рукой температуру, раздеваюсь. Несколько минут просто стою под потоком горячей воды, чувствуя, как мышцы расслабляются, кожа распаривается. Еще один пункт из списка дел пока в столице: нужно позвонить Ваньке и напроситься в баню, заодно и пиво попьем, может, присоединится Сашка. Ванька и Сашка – школьные друзья, с которыми прошли и огонь, и воду, и медные трубы. Я знаю, что эти мужики никогда не подведут, в трудную минуту подставят свои крепкие плечи и не дадут упасть с высоты.

По привычке намыливаю голову мылом, и мыло сразу попадает в глаза. Отдергиваю занавеску, на ощупь ищу полотенце, где-то оно должно быть рядом.

– Ой! – слышу испуганное в дверях, разлепляю веки и вижу пунцовую вчерашнюю школьницу. Хватаю с крючка полотенце и прикрываюсь.

– Вышла! – рявкаю. От неожиданности, что девчонка увидела меня тут голого, голос звучит слишком громко. Она захлопывает дверь, я ругаюсь сквозь зубы,

поспешно смывая с себя мыльную пену. Глухое раздражение клокочет внутри, как закипающая вода в кастрюле на плите. Но в первую очередь я сержусь на себя. Нужно было сначала сделать замок в ванной, а потом уже намыливаться.

- Ты бы не кричал на ребенка! - нападает на меня мать, едва я появляюсь на кухне. Удивленно смотрю в родное лицо, стараюсь не злиться в ответ. Мама - эмоциональный человек, вспыхнет и тут же погаснет. Это я могу долго все копить в себе, а потом сорваться, вспылить, извергнуть из себя все, что думаю, как давно спящий вулкан.

- Я не кричал.

- Я все слышала!

- Mam, я просто от неожиданности повысил голос. Согласись, впервые в доме находится кто-то посторонний, когда я приезжаю, - присаживаюсь на стул возле стола, подвигаю наполненную кружку с горячим кофе. Мама тут же перед носом ставит пышный омлет с поджаренными сосисками, грибами, помидорами.

- Спасибо, - беру вилку в руки, мать отворачивается к плите и печет оладушки.

- Скажи мне, мам, зачем ты пускаешь квартирантов? Тебе не хватает денег, что я присылаю? На что ты тратишь, если все платежи оплачиваются с моей карты. Может, ты хочешь поехать куда-то за границу? Скажи, я куплю тебе путевку. Или... - тут перестаю жевать, обеспокоенно смотрю на спину матери, пытаюсь подметить в ней изменения с последней нашей встречи. На первый взгляд, все такая же: стройная, держит вес - привычка из прошлого, когда была актрисой театра, седых волос мне не увидеть, она подкрашивает их. Вчера ничего необычного в ее глазах не увидел. Выглядит прекрасно для своих лет.

- Ты заболела? Тебе какой-то диагноз поставили? - меня начинает потряхивать от озарения, держусь, чтобы не схватить ее и не развернуть к себе лицом, насильно выпытать правду. Мама выключает плиту, берет тарелку с горячими оладушками, поворачивается ко мне. Лицо серьезное, отчего у меня сердце бухает куда-то на дно желудка. Я, конечно, не идеальный сын, но мать люблю. И терять не хочу.

- Мама!

- Голос не повышай. Ешь, давай, – садится напротив меня, строгим взглядом приказывает есть, а у меня кусок в горло не лезет. Качает головой. – Не придумывай себе ничего. Здорова я.

- Правда?

- Правда. И квартирантов беру не из-за денег.

- А из-за чего? – непонимающе смотрю на мать. Она поджимает губы, отводит глаза в сторону. Я терпеливо жду, продолжая ковыряться в тарелке.

- Одиноко мне. Тебя часто дома не бывает. И...

- Мам, не начинай, – морщусь, уже жалея, что затронул эту тему.

- Что не начинай? Я правду говорю, Никит. После развода ты замкнулся в себе, с Пашкой общаешься от случая к случаю. Парень растет, отца знает только по телефону. Я понимаю, ты не хочешь встречаться с Мариной, но сын-то причем?

- Ты хочешь взять к себе его на осенние каникулы? Я, конечно, попробую с Мариной поговорить, но боюсь, что они поедут в Эмираты или в Майами. Где там у ее хахаля особняк? А? – говорю резко, пресекая тоном дальнейшие попытки обсуждать данную тему.

- Никит...

- Было очень вкусно! – делаю из кружки большой глоток остывшего кофе, доедать омлет нет желания. Встаю, подхожу к матери, чмокаю ее в щеку. Она пытается меня удержать взглядом, хватая за руку, но я осторожно разжимаю ее пальцы у себя на запястье.

- Никит...

- Я на работу. Вернусь после обеда.

Глава 4

Аня

Проснувшись утром, я решила в этот солнечный день прогуляться по столице. Хочу побывать на смотровой площадке перед МГУ. Потом съездить на Старый Арбат. Планов было много, но все они немного сбились, когда я дернула на себя плохо закрытую дверь ванной комнаты. Обнаженный сын Полины Сергеевны ввел меня ступор. И его гневный окрик подействовал на меня не хуже холодного душа.

Теперь сижу на кровати с пылающими щеками, смотрю в окно и не смею двинуться. Мне жутко стыдно за то, что увидела. А картинка все настойчивее всплывает перед глазами, волнуя и будоража. Работая на черноморском побережье, видела каждый день полураздетых мужчин, самых разных по комплекции. Но мускулистое тело Никиты, хочешь не хочешь, а привлечет к себе внимание. Он мускулистый, но это достигнуто не тренажерным залом. Вот Дима точно пытит в зале, усердно поднимая и опуская железки. Еще Дима всегда строго подсчитывал углеводы, белки и жиры, чтобы подсушивать себя. Никита вряд ли такой ерундой занимался. Опускаю глаза на свои сжатые кулаки. Я не должна их сравнивать.

– Аня, ты чай пить будешь? – в комнату, предварительно постучавшись, заходит Полина Сергеевна. Я испуганно вскидываю на нее глаза, но женщина ласково мне улыбается. – Если ты переживаешь по поводу Никиты, то он ушел.

– Ушел? – эхом переспрашиваю. – Куда ушел? – смутившись, поспешно добавляю – Извините.

– На работу. Он у меня геолог. Вечно находится в экспедициях.

– Да? – как это интересно. Я привыкла, что в основном все бизнесмены, офисные работники. Геолог – это необычно для нашего времени, я не уверена, что кто-то из моих одноклассников выбрал такую профессию. Юристы, менеджеры, работники госструктур, экономисты – да, эти направления пользуются спросом.

– Я всегда думала, что он у меня будет артистом. У него очень интересная внешность, харизма, у него потрясающий голос. Он мог сделать себе карьеру актера, певца, но жажда путешествовать по миру оказалась сильнее сцены.

– Звучит романтично.

– Все мы немного романтичны до определенного момента. Ладно, тебе чай заварить?

– Буду благодарна. Сейчас умоюсь, переоденусь и приду на кухню.

Полина Сергеевна оставляет меня. Я беру джинсы, футболку и юбкаю мышкой в ванную. Смотрю на поврежденный замок. Интересно, его починят? Скорее да, чем нет. Я надеюсь, что починят. Не хотелось бы мне вновь оказать перед голым мужчиной, пусть и симпатичным.

Выдавливая на щетку пасту, смотрю на черную зубную щетку, которая показательно выделяется рядом с белой и моей розовой. Принимаюсь, в ванной все еще пахнет мужским лосьоном. Запах приятный, не раздражающий и не вызывающий приступ тошноты. Смотрю на себя в зеркало, уголки губ опущены, в глазах застыла тоска. Что мне делать? Вновь молоточком бьется вопрос в висках. Тянуть долго нельзя, нужно определяться с будущим. А будущее туманно, как Альбион. Пока срок маленький, я смогу работать, смогу скрывать свое положение. Может, мне повезет и малыш не будет крупный, тогда мне удастся скрыть беременность под видом внезапной полноты. Самый пик роста живота у меня выпадает как раз на осеннее-зимний период. По моим дилетантским подсчетам, роды наступят в первый месяц весны. Значит, у меня в запасе совсем мало времени.

Присаживаюсь на край ванны, смотрю перед собой. Вопрос с жильем самый острый. У меня нет финансовой подушки, чтобы позволить себе не думать о будущем. У меня нет парня, отца ребенка, который бы взял на себя решение важных вопросов. У меня нет благосклонных родителей, я даже уверена, что мама будет меня уговаривать сделать аборт, не губить свое будущее.

– Аня с тобой все хорошо? – раздается за дверью обеспокоенный голос Полины Сергеевны.

– Уже выхожу, – бодро отзываюсь, поспешно чищу зубы. Быстро расчесываюсь и заплетаю волосы в косу, щиплю себя за щеки, чтобы на бледной коже появилось подобие румянца.

На кухне вкусно пахнет. На столе меня уже ждет чашка чая, тарелка оладушек и варенье. Я не знаю, почему Полина Сергеевна так трепетно ко мне относится, но мне безумно приятна ее забота. Может быть, я похожа на ее дочку, которая живет в другой стране?

– Садись, кушай. Глядя на тебя, вспоминаю свое театральное прошлое, когда невозможно было позволить себе лишний блинчик, чтобы тут же этот блинчик не вышел тебе боком.

– Вы сейчас в прекрасной форме, я не знаю, сколько вам лет, но выглядите очень классно! – без всякого лукавства делаю комплимент женщине, она снисходительно улыбается.

– Когда я была беременной Никитой, я поправилась на двадцать килограммов. Я думала, моей карьере пришел конец. Никита родился очень крупным мальчиком. Ты, как будущая мать, – тут я давлюсь чаем, поспешно хватаю салфетку и прикладываю ее ко рту. Полина Сергеевна приподнимает брови. – Чего ты удивляешься? Все девушки рано или поздно рожают детей. Так вот, тебе нужно кушать, набирать вес, ты очень худенькая.

– У меня мама худенькая, ничего, родила меня, – скованно улыбаюсь, осторожно откусываю оладушек.

– Конечно, сейчас медицина более развитая, женщины рожают с анестезией, некоторые рожают в воде, на мячах. Еще и с мужьями, они там, по мне, совершенно лишние. Тридцать пять лет назад, родив Никиту, вытерпев адскую боль, я решила, что больше никогда не повторю этот путь.

– Я бы хотела двоих. Мальчика и девочку, – улыбаюсь, Полина Сергеевна хмыкает. Конечно, я бы хотела, чтобы мой первый ребенок появился года через три, но бывает и такое: внеплановое зарождение жизни внутри тебя.

– Конечно, куда в твои годы. Тебе восемнадцать вроде?

- Двадцать.

- И учишься в институте?

- Нет, - мотаю отрицательно головой. - Я после девятого класса пошла в техникум на повара-кондитера.

- Хорошая профессия, для жизни самое то. Твоему будущему мужу повезло. Наверное, он тебя уже заждался.

- Что? - сердце екает, я еле усидела на стуле, чтобы не вскочить на ноги и не кинуться к окну. Окна выходят во двор и все прекрасно видно с третьего этажа. Полина Сергеевна внимательно на меня смотрит, как учительница, которая прикидывает в уме степень моей готовности к уроку.

- Какой муж, - нервно смеюсь, встаю, собираю посуду, - я приехала в Москву к близкому человеку, но выяснилось, что у нас не одна дорога. Так что я до конца недели побуду у вас, а потом поеду в родные края. Пока погуляю, хочу как можно больше увидеть своими глазами.

- Нужно обязательно сходить в Третьяковскую галерею. Если ты не посетил галерею, считай, что не был в Москве. Попрошу Никиту купить нам билеты, давненько я в общество не выходила, хоть пыль со своих нарядов стряхну. Пойду ему позвоню, - Полина Сергеевна явно загорелась идеей посетить галерею, даже не спросила, хочу ли я туда идти, но и отказывать женщине мне как-то неудобно. Она так мила со мной, добра.

Глава 5

Выйдя из лифта, пытаюсь нащупать в боковом кармане ключи, удерживая в одной руке тяжелый пакет. Когда у меня плохое настроение, я начинаю готовить. Вот и в этот раз мне захотелось сделать что-то мясное.

- Давайте помогу, - раздается за спиной мужской голос. Подпрыгиваю на месте от испуга, резко оборачиваюсь. Сзади стоит Никита. Он раздраженно сжимает в

тонкую линию губы, забирает у меня пакет. Я против воли засматриваюсь на мужчину. Он сегодня одет в светло-голубую рубашку (ворот расстегнут на две пуговицы, рукава закатаны до локтя) и темные, с заутюженными стрелками, брюки и лакированные туфли. От вчерашнего лесника ничего не осталось. Даже борода сбрита до модной щетины.

– Извините, я не слышала, как лифт подъехал.

– Я поднимался по лестнице. Открывайте дверь, – под его строгим взглядом темных глаз поспешно достаю ключи и открываю дверь. В прихожей вдвоем сразу становится очень тесно. Снимаю балетки, беру пакет из рук сына Полины Сергеевны. Самой женщины дома нет, она час назад ушла в поликлинику.

Некоторое время прислушиваюсь, с волнением ожидая, что сейчас появится Никита. Поняв, что зря волнуюсь, расслабилась, с удовольствием включилась в готовку. Хочу запечь в рукаве курицу с овощами.

Пока нарезаю овощи, мысли то и дело возвращаются к Диме. Я не вытерпела и поехала вновь к бизнес-центру, где он работает. Не стала в этот раз искать с ним встречи, хватило вчерашнего унижения. Думала, что мне не удастся его увидеть, и лучше бы ушла. Дима вышел из офиса с девушкой. Он ее обнимал, улыбался, девушка улыбалась в ответ. Даже со стороны было понятно, что между ними отношения.

Смахиваю слезы, шинкую лук. Тешить себя иллюзиями нет смысла. Он не передумал, да и вряд ли думал. И все, что было между нами, для Димы оказалось летним приключением. Нужно думать, как быть. Решение позвонить родителям и признаться далось непросто. Уверена, что не сразу мама и папа смирятся с появлением внука или внучки. Еще вариант: сделать аборт, забыть и Диму, и это лето. Тогда никто никогда не узнает о том, что случилось. Как говорила тетя Люба, главный повар в ресторане при гостинице, в которой я работала, внепланово залетают только дуры. Именно дурой, обманутой, наивной, сейчас себя и ощущала.

– Ай! – нож попадает по пальцу, рассекая кожу. Быстро засовываю палец в рот, чувствую на языке металлический вкус крови.

– Что случилось? – неожиданно возникает Никита. Я испуганно вскидываю на него глаза, будто застукал на месте преступления. Он в доли секунды оценивает обстановку, подходит к ящику возле окна, достает пластиковую коробку. Я замечаю в его руках бутылочку перекиси водорода, бинт. Разворачивается ко мне, держа бутылку, взглядом показывает мне подойти к раковине. Его движения точны, не суетливы, а повязка на раненом пальце заслуживает того, чтобы ее показывали ученикам на уроках ОБЖ.

– Спасибо, – глухо благодарю Никиту, стараясь унять бешено колотящееся в груди сердце. Кружится голова, я осторожно присаживаюсь на стул.

– Выглядишь бледной.

– Голова закружилась. Сейчас пройдет, – стараюсь успокоиться, Никита берет нож и дорезает овощи, закидывает их к курице в пакет. Я не вмешиваюсь, мужчина делает все так, как бы делала я. Вот завязывает рукав, все внутри пакета осторожно перемешивает, кладет в форму и отправляет в духовку.

– Спасибо. Думаю, через полчаса все будет готово, как раз Полина Сергеевна придет, – он меня смущает своим присутствием. Смотрит темными глазами, хочется тут же отвести взгляд в сторону, а не отпускает.

– Это на салат? – кивает на помидоры, огурцы, перец.

– Да, но я сама могу все нарезать.

– Сиди уже, – он режет так, как в реалити-шоу режут известные шеф-повара. Я только успеваю моргать, загипнотизировано глядя на лезвие. Чик – и вот салат готов. Только поворачиваю голову, достает тарелки, бокалы, вилки и молча расставляет на столе. На двоих.

– А Полина Сергеевна?

– Она задержится у подруги. Поэтому, если не против моей компании, вместе поужинаем, – в карих глазах появляются смешинки. – У меня как раз припасена вкусная настойка из малины.

- Извините, но я не пью.

- Болееешь?

- Почему сразу «болееешь»?

- Если не пьешь, значит, болееешь или беременна. Если не первое, то второе, - прищуривает глаза, понимаю, что следит за моими эмоциями на лице, а я, словно пойманная на вранье, смотрю на Никиту с широко распахнутыми глазами. Он хмыкает, присаживается напротив меня. Сердито сверкаю глазами, скрещивая на груди руки.

- Знаете, вас это не должно касаться. Это мое личное дело, почему я не пью. Может, у меня аллергия на алкоголь, - возмущенно смотрю на Никиту, он задумчиво изучает мое лицо.

- Тебе хоть восемнадцать есть?

- Это не ваше дело, сколько мне лет.

- Послушай Аня, я не знаю, какую ты наплела историю моей матери, но мне хватает ума сделать свои выводы. Допустим, тебе восемнадцать есть...

- Мне двадцать, если вас так волнует мой возраст. У меня есть профессия, но в Москву я приехала по личному делу. Это все, что вы должны знать, - у меня от гнева горит лицо. Я вспоминаю Диму с девушкой и злюсь еще сильнее.

- Поматросил и бросил? - иронично ухмыляется, я вскакиваю на ноги, рука чешется, чтобы залепить ему пощечину, но сжимаю кулаки.

- Не ваше дело, Никита, не знаю, как вас там по батюшке, - прохожу мимо мужчины, он хватает меня за запястье.

Я удивленно смотрю на наши руки, потом в карие глаза. Мое настроение и без того нестабильно. Сейчас гнев растворяется, уступая место полной растерянности. Почему так? И прикосновение Никиты не раздражает, а волнует. У него огрубевшая кожа на ладонях, хватка сильная, но не причиняет боли. Мне

хочется понять, что со мной происходит, понять, почему карие глаза вдруг стали темнеть, а потом Никита все же отпускает руку и отводит глаза в сторону.

– Извини. Действительно, не мое это дело, – встает и оставляет меня одну на кухне с бурей в груди.

Глава 6

Еще раз проверив наличие денег, посмотрела расписание поездов. Вздохнув, набираю мамин номер телефона. Нужно ее как-то морально подготовить, чтобы следующий разговор с глазу на глаз вышел менее эмоциональным.

– Да, Аня, – голос мамы глухой, уставший. Я чувствую укол совести. Вчерашний странный разговор с Никитой окончательно меня убедил, что задерживаться в Москве нет смысла. Нужно ехать домой и заниматься собой, готовиться к появлению на свет малыша. Я умом понимаю, что через некоторое время у меня будет ребенок, но до конца не осознаю, что меня ждет впереди. Будущее настолько смутно и страшно, порой я трусливо прячусь под одеяло, надеясь, что с первыми лучами солнца все мои проблемы рассеются. Увы, новый день наступал, проблемы остались прежними.

– Привет, мам. Как дела? Извини, что так долго не звонила, понимаешь, сезон, дела, прихожу домой и сразу спать, – стыдно врать. У меня даже щеки начинают пылать, хорошо, что мама этого не видит, по голосу вроде не понимает, что лгу.

– Ой, Анечка, тоже было как-то не до тебя, только сегодня очухалась, пришла в себя.

– Что-то случилось? – беспокойно ерзаю на кровати, с тревогой в сердце смотрю перед собой.

– Да все случилось. Отец твой в больнице, утром стало плохо. Вызвали «скорую», забрали в неврологию. Врач сказал, частичный паралич правой стороны, – от каждого слова у меня холодеет в груди и ком в горле перекрывает дыхание. Боже, за что ты так?

– И что это значит? – осторожно спрашиваю, судорожно пытаюсь понять, что говорить дальше и как мне теперь быть.

– Ничего хорошего. Недельку его подержат в больнице, а потом домой. Полного восстановления никто не гарантирует, – слышу в трубке всхлип. – Лерка с Санькой обещали помогать, будут приходить раз в день вечером после работы. Ты ж понимаешь, он будет лежачим, ходить под себя, я его не переверну. Горько какое... – судорожно вздыхает. – Мария Ивановна обещала выбить для него инвалидность, хоть какие-то льготы будут, лекарства по рецепту будут бесплатно давать. С работы уже звонили, сказали, что кое-какие выплаты сделают, но на этом все. Как мы теперь будем? Пенсия по инвалидности небольшая, говорят, и мои десять тысяч, может, хватит, если что, на кашу на воде перейдем. У вас в сезон хорошие зарплаты, – в трубке возникает говорящая пауза, я сглатываю.

– Я поняла, мам. Как только получу деньги, переведу тебе на карту. Постараюсь на днях приехать.

– Да чего ты будешь приезжать, работай уже до конца сезона. Деньги сейчас нам будут очень нужны. Может, тебе удастся в санаторий какой-то круглогодичный устроиться, чтобы не терять заработок. Ты за меня не переживай, Лерка с Санькой рядом, помогут. Ты там не голодаешь?

– Нет, мам. Как я могу голодать с такой работой.

– Ну да, что-то я сглупила. Все хорошо?

– Да, все хорошо, – о своей беременности молчу. Очень хочу, чтобы мама все поняла по моему молчанию, но она слишком озабочена собственными проблемами, чтобы услышать мои странные паузы.

– Вот и славно. Ладно, не будем тратить деньги на пустые разговоры. Звони мне теперь вечером, днем я у отца в больнице. Пока доеду, пока то, пока сё, не до телефонных разговоров.

– Хорошо, мам. Целую. Папе привет, пусть поправляется.

– И тебя целую, доча – на этом наш разговор прерывается, я обессиленная возникшими проблемами падаю лицом в подушку и всхлипываю. Что делать? Путь домой, конечно, не заказан, но... Я туда не поеду. Я не смогу смотреть матери в глаза, видеть в них разочарование, укор. А отец меня сожрет живьем, даже лежащий. Язвительный язык-то не парализован. Проще утопиться. Москва-река широка и глубока, мостов в городе полно. Или прийти вновь к Диме и взять деньги на аборт. Только вот я не смогу потом после всего этого жить в гармонии с собой.

– Анечка, чай давно стынет, а ты куда-то пропала, – в комнату, постучав, заходит Полина Сергеевна. Я поспешно сажусь, вытираю ладонями мокрое лицо и улыбаюсь пожилой женщине. От карих глаз не ускользают мои зареванные глаза, красный нос.

– Рассказывай, – повелительно говорит Полина Сергеевна, берет стул и садится напротив меня. – Только правду.

Я смотрю на эту женщину, кручу в руках мобильный телефон. Она с первого дня ко мне доброжелательно относится, всегда выражает недовольство, когда я приношу продукты. Вчерашний мой ужин оценила по достоинству, правда, потом пыталась вернуть мне деньги за продукты. Я отказалась. Не знаю, ел ли Никита, его вечером дома не было, он ушел почти сразу после нашей стычки.

– Папу забрали в больницу.

– Ничего страшного. Из больницы не всегда выносят ногами вперед, – на ее попытку пошутить, губы сами дергаются в слабой улыбке. – Еще что?

– Я планировала вернуться домой, но теперь нужно деньги зарабатывать, а я... – опускаю глаза, рассматриваю телефон в руках. Стыдно признаваться в своей глупости и наивности. Прикусываю губу. Моей крошке шесть недель, чуть больше месяца. У меня есть еще немного времени, чтобы определиться... Поднимаю глаза на Полину Сергеевну, она терпеливо ждет от меня объяснений.

– Я не могу сейчас вернуться к родителям, потому что беременна. И в Москву я приехала, думала, что отец ребенка возьмет на себя обязательства, но ошиблась. Он сказал, что ему этот ребенок не нужен, предложил денег на аборт. Аборт я не хочу делать, но при этом понимаю, что могу не справиться. У меня

нет ничего за душой. Даже веры, – разглядываю рисунок на обоях, лишь бы не смотреть в глаза Полине Сергеевне и не видеть там осуждение, жалость. Понимаю, что за ошибки нужно отвечать самой, не возлагать на кого-то свои проблемы.

– Аня, не паникуй, все у тебя будет хорошо, а этот козлина еще пожалеет, что отказался от ребенка. Надеюсь, про аборт ты несерьезно? – приподнимает бровь и строго смотрит в глаза. Я мотаю головой, удивленная реакцией Полины Сергеевны.

– Какой срок у тебя?

– Где-то шесть недель.

– У врача была?

– Нет. Только тест делала.

– Это плохо, надо срочно пойти на прием, встать на учет, сделать УЗИ. Живот болит? Тошнит? Голова кружится?

– Ничего нет, только в сон клонит.

– Это нормально, организм привыкает к изменениям. Так, – Полина Сергеевна встает, я не перестаю на нее удивленно смотреть. Никак не укладывается в моей голове ее поведение. – Я сейчас позвоню подруге, она мне посоветует хорошего гинеколога, а потом еще надо решить вопрос с твоим трудоустройством. Кто ты там у нас по профессии?

– Повар-кондитер.

– Отлично, в декрете можно делать торты на заказ, лишняя копеечка в такое время не помешает. И от государства по максимуму возьмем.

– Полина Сергеевна! – окликаю я пожилую женщину, она изящно оборачивается. – Зачем вам все это? Не уверена, что ваш сын будет рад.

– На Никиту не обращай внимания, ему пора уже перебираться в свой угол, а то привык к мамке бегать, когда у самого есть пустующая квартира. Что касается всего остального, – ее карие глаза задумчиво устремляются на меня, грустно улыбается. – Нравишься ты мне, всегда мечтала иметь дочку. Все, отдыхай, не переживай, все будет хорошо. Пойду звонить подруженькам.

– Спасибо вам, – в носу щиплет, неприлично громко шмыгаю, от переизбытка эмоций глаза наполняются слезами.

– Но-но, оставь эту сырость, не хватало нам еще тут плесенью обзавестись. Все, я ушла.

– Спасибо! – шепчу одними губами. Нужно верить, верить в лучшее до конца. Вот и сейчас я понимаю, как порой жизнь поворачивает события. Когда закрывается дверь, нужно всегда искать открытое окно, порой форточку. Безвыходных ситуаций не бывает, а руку помощи протягивают те, от кого меньше всего ждешь. Если будет девочка, я обязательно ее назову Полиной.

Глава 7

Полина Сергеевна порхала вокруг меня с загадочной улыбкой два дня, вызывая недоуменный взгляд Никиты по утрам. Спасибо ему за то, что не спрашивал причину и не комментировал странности своей матери. Он вообще как-то отгородился, я бы сказала, что замкнулся. Смотрит перед собой, когда завтракает, уходит утром, приходит поздно вечером, иногда не приходит. Понимаю, меня не должно интересовать времяпрепровождение сына Полины Сергеевны, но каждый раз, когда поздно вечером хлопает входная дверь, я встаю и подхожу к своей двери, прислушиваюсь. Его шаги неторопливы и почти бесшумны, хотя, может, не слышно, потому что не скрипит пол, как у родителей дома.

– Анечка, съешь еще оладушек, надо хорошо питаться, ветром сдует по осени, – я не успеваю запротестовать, на тарелке появляются лишние оладушки. Никита подносит кружку с кофе к губам, отпивает, при этом не сводит прищуренного взгляда с матери.

– Спасибо, Полина Сергеевна, но я правда наелась, – отодвигаю от себя тарелку, беру чашку с чаем.

– Аня, надо кушать, у тебя и так недостаток массы. Это вредно.

– Все у нее хорошо с массой, в нужных местах все есть, – подает голос Никита, на меня не смотрит, а я вспыхиваю от его слов и опускаю глаза.

– Тебе откуда знать?

– У меня глаз, что ли, нет? – усмехается, и чувствую, как горит лицо от его устремленного на меня взгляда. – Спасибо за завтрак. Ань, не ведись на дополнительные оладушки, – вскидываю на мужчину глаза, он встает и покидает кухню, через некоторое время уходит вообще.

– Глаза у него есть, тьфу ты, – ехидно пародирует Полина Сергеевна своего сына. – Где эти глаза были, когда с Маринкой связывался.

– Марина – его девушка? – осторожно спрашиваю, отпивая чай.

– Бывшая жена. Поженились, когда пришла уже с хорошим таким пузом, а он только вернулся из командировки. До сих пор мне кажется, что Пашка не его сын, да малый хороший получился. Марина думала, что он с нее будет пылинки сдувать, на руках носить, баловать подарками, да только забыла, что для хорошей жизни нужно работать. Вот он и пахал, как проклятый, ради семьи, а та хвостиком махнула, подцепила бизнесмена и ушла от Никиты. – Полина Сергеевна присаживается напротив меня.

– А сын большой?

– Семь лет, в первый класс в этом году пойдет. Жаль, что Никита никак не может найти с ним контакт, словно чужие друг другу. Когда Паша родился, он был на Дальнем Востоке полгода. Вернулся, Пашка уже сидел и ползал. Побыл месяц, опять командировка на два месяца, все важные этапы пропустил. Так вот урывками для него и рос сын. Потом Маринка ушла, Паше было три года, теперь встречи стали еще реже.

- Марина запрещает ему видеться?

- И это тоже, но от алиментов не отказывается. Ладно, вывалила тебе тут наши проблемы, - улыбается, кладет кухонное полотенце на стол и распрямляет его. - Врача тебе нашла. Нужно сегодня сходить на прием, записана ты на час тридцать. Я тебе потом все напишу на бумажке. По поводу работы...

- А я уже нашла! - радостно улыбаюсь, гордясь собой, что хоть в этом вопросе смогла проявить самостоятельность.

- Когда это ты успела?

- Вчера ходила на собеседование. Тут недалеко.

- Это забегаловка «У Саньки» что ли?

- Да. Им требуется повар. Даже диплом не потребовали.

- Послушай меня, деточка, там контингент не самый лучший.

- Я разве буду сталкиваться с клиентами? Нет, конечно, мое дело прийти утром и наготовить еды. Тем более, я не главный повар, а помощник.

- Аня...

- Полина Сергеевна, все будет хорошо. Я приняла решение. Мне остается только пройти медкомиссию.

- Тебе не дадут ее пройти. Как ты себе это представляешь? Работодатель узнает, что ты в положении, сразу же откажет в месте. Лучше послушай старую женщину, сиди на попе смирно. Я договорюсь с кем надо, тебя возьмут в приличное место, возможно, не по специальности, но это не главное.

- Вы очень много делаете для меня. Я скрою беременность, попробую договориться с гинекологом вашим. Мне нужна работа, как вы не понимаете, я не могу сидеть у вас на шее. Кто я вам? Никто. У Никиты возникнут вопросы, и это естественно. Странно, что он до сих пор не спрашивает, почему я не собираю

свои вещи.

– Оставь Никиту на меня, я с ним поговорю по поводу того, чтобы он вернулся к себе.

– Полина Сергеевна, услышьте меня, пожалуйста. Мне нужна любая работа, лишь бы деньги платили. Я не знаю, сколько нужно на ребенка, подозреваю, что много.

– Упрямица! – Полина Сергеевна явно рассердилась, потому что отворачивается к плите, наводит в рабочей зоне порядок. Я чувствую вину за то, что настаиваю на своем, но при этом понимаю свою правоту.

– Возраст?

– Двадцать.

– Первая беременность?

– Да.

– Сохранять будем?

– Да.

– Патологии?

– Вроде нет.

– Идите за ширму, – Елена Антоновна кивает головой в сторону ширмы, как я понимаю, там стоит гинекологическое кресло. Одергиваю подол платья, скованно направляюсь в указанную сторону. Никогда не любила посещать этого врача.

Рассматриваю потолок, стиснув кулаки. Неприятные ощущение внизу живота только усиливаются, немного морщусь от боли. Елена Антоновна хмурится, выпрямляется, снимая перчатки.

– Сейчас сделаем УЗИ, – я взволнованно смотрю на врача. Это первое УЗИ. Первая встреча с моей крошкой. У меня аж ладони вспотели. Губы непроизвольно растягиваются в широкую улыбку, и подавить эту улыбку желания нет.

Перемещаюсь с кресла на кушетку, вновь терплю неприятные ощущения. Я думала, мне поведут датчиком по животу, как во многих фильмах, но делают совершенно другое УЗИ, которое, оказывается, позволяет увидеть плод на маленьких сроках.

– А вот наша крошка. – Елена Антоновна поворачивает ко мне монитор, на сером экране показывает мне серое пятно.

– Это ребенок? – пораженно уточняю, не веря своим глазам. Это так странно видеть какое-то пятно, которое позже сформируется в полноценного маленького человечка. – А пол уже можно узнать?

– Нет, рано еще, – врач смеется, внимательно смотрит на монитор. – Ты говоришь, что у тебя шесть недель, по дате последнего менструального цикла будет восемь недель. Так что зачатие произошло немного раньше, чем ты думаешь, – я неопределенно пожимаю плечами. Задача предохранения лежала на плечах Димы, но несколько раз он практиковал прерванный половой акт, убеждая меня в полной его безопасности.

– Плацента низко расположена, поэтому никаких тяжестей, резких движений. Выпишу тебе фолиевую кислоту, магний В6. Фото распечатать?

– Да! – выдохнула, все еще с восторгом рассматривая пятнышко на экране, которое уже люблю всем сердцем. Не могу даже представить, как это все внутри меня будет расти. Елена Антоновна протягивает мне черно-белый снимок.

– Спасибо большое, – нежно трогаю пальцем пятнышко. Мое солнышко, мое маленькое сокровище.

Глава 8

Никита

– Ты уже уходишь? – в дверях комнаты стоит мать, я мельком бросаю взгляд на нее, застегиваю манжету на рубашке. Сегодня у меня свидание с Лидой, потом уже будет видно, приеду я домой или останусь у нее на ночь.

– Да.

– Никит, я тут подумала, может, тебе стоит вернуться в свою квартиру. В конце концов, сможешь наладить свою личную жизнь, не вечно тебе быть холостым.

– Я что-то не понял, – поворачиваюсь к матери всем корпусом, прищуриваюсь. – Ты меня выселяешь?

– Думаю, что пора тебе как-то устраивать свою жизнь. Женись, ребеночка родите.

– Мам, ты здорова? – приподнимаю бровь, пристально рассматривая маму с ног до головы. Вроде все такая же, ничего не изменилось. – Что случилось?

Ощущение, что мать что-то мутит за моей спиной, не покидает уже неделю. Девочка все еще в нашей квартире и, похоже, никуда не планирует уезжать. Более того, кажется, эта малышка устроилась работать, правда, не знаю куда. Я стараюсь ее не замечать, делать вид, что мне безразличны ее большие голубые глаза, ее добродушная улыбка. Она меня тревожит, и мне это дико не нравится. Не нравится, что я порой на нее кошусь с мужским интересом. Каждый раз одергиваю себя, как только понимаю, что засматриваюсь.

– Ладно, я попробую сам догадаться. Ты решила стать крестной феей для этой приезжей девочки?

– У нее есть имя, Никита.

– Неважно. Я прав? – мать опускает глаза, теревит браслет на руке. – Почему, мама? Я не понимаю.

– У девушки сложное положение в жизни. Иногда нужно быть добрым к тому, кто рядом и нуждается в твоей помощи.

– Удивительно, что именно к ней ты прониклась, – раздраженно заправляю рубашку в брюки, поджимаю губы. – Она тебя там подпаивает чем-то?

– Никита!

– А что? Кто она такая? Ты ее паспорт видела? Кто ее родители, черт побери? Может, она мошенница, которая охмуряет таких одиноких старушек, чтобы те отписали им квартиры!

– Не носи чушь!

– А ты перестань страдать ерундой! – сдергиваю пиджак со стула, подхожу к матери. – Надеюсь, ты задумаешься над моими словами и девочку отправишь домой. Постарайся это сделать без моего участия, а переезжать я не собираюсь, – еще раз окинув мать выразительным взглядом с ног до головы, выхожу из комнаты.

Разговор разозлил. Какого черта? Почему какая-то пройдоха имеет влияние на мать? Удивительно, что мать потянулась к этой провинциалке. Раньше квартиранты не задерживались больше трех дней или недели, и ей было все равно. Эта же, как пиявка, присосалась и не отлипает.

Вечер обещал быть томным, но в итоге я ловлю на себе недовольный взгляд Лиды. Мы сидим с ней в хорошем ресторане, молчим.

– Когда ты в следующий раз в командировку? – Лида делает очередную попытку завязать разговор, а я смотрю и думаю, вот чего она ждет меня. Я ведь ни разу ей не говорил, не намекал, что планирую семью, а Лида красива, хозяйственна. Она будет шикарной женой, любовницей, подругой. На нее приятно смотреть. Не слепой, вижу, как одинокие мужчины поглядывают на мою спутницу, не скрывают своего пристального внимания. Я должен бы ревновать, но мне все

равно. Я по натуре не собственник. Или просто еще не встретил ту самую, за которую убью любого, кто только кинет на нее взгляд.

- Не знаю, - беру бокал, кручу его в руке, задумчиво смотрю на Лиду. - Мне предлагают офисную работу, должность, зарплату повыше.

- Это чудесно, наконец будешь работать в нормальных условиях, - ее нога задевает мою ногу под столом, Лида призывно улыбается, я склоняю голову набок. - Можно задуматься о себе.

- Ты хотела сказать, о нас? - показательно смущенно опускает глаза, Аня смущается не так, и ее смущению веришь, Лида фальшивит. Хотя чего это я, сам же мать убеждал, что девушка мошенница и может играть лучше любой актрисы. Стискиваю зубы, делаю глоток вина из бокала.

- Никит, мы с тобой давно знаем друг друга, логично, что наши отношения должны перейти на другой уровень. Раз тебе предлагают в офисе работу, я думаю, ты согласишься.

- А если нет? - красивое лицо застывает, щеки алеют. Вижу по глазам, что такой мысли не допускает. - Лид, я всегда задавался вопросом, почему ты возле меня, когда можешь найти вариант получше.

- Я тебя люблю.

- Мы с тобой взрослые люди и не верим в эти юношеские слова, - иронично усмехаюсь, Лида раздраженно проводит рукой по шее. - Я думаю, нам пора ставить точку.

- То есть? - вскидывает на меня глаза, хмурится. - Ты хочешь расстаться?

- Да. Я думаю, ты ждешь от меня серьезных шагов, но я не собираюсь менять свою жизнь, а это несправедливо по отношению к тебе.

- У тебя появилась другая? - ревниво сверкает глазами, я улыбаюсь, отрицательно качаю головой.

– Ты придумываешь причину. На самом деле у меня ощущение тупика. Я думал об этом несколько дней.

– Я тебя не привлекаю? – вздыхаю, Лида явно пытается понять, почему я ставлю крест на наших отношениях.

Смотрю вверх ее головы и цепенею. В зал заходит пара. Я смотрю на женщину, которая уверенной походкой идет за администратором, грациозно садится за стол, берет из рук подошедшего официанта меню. Ее спутника не знаю.

Сколько я ее не видел? Наверное, месяца четыре. Все такая же, до зубовного скрежета красивая, манящая и недоступная. Казалось бы, прошлое должно остаться в прошлом, ан нет, для меня она стала ведьмой, приворожившей и околдовавшей до конца моей жизни. Она поворачивает голову, словно почувствовала мой взгляд. Встречаемся глазами. В груди вновь вспыхивает злость и боль. Сердце ноет, как и четыре года назад, когда приехал домой и не обнаружил жену с сыном. Почему я не живу в своей квартире? Потому что все там пропитано ею. Каждая деталь напоминает о ней, даже спустя столько времени я все еще чувствую запах ее духов, когда прихожу в наш дом. Отворачиваюсь, но ощущаю ее каждой клеточкой даже на расстоянии. Черт побери!

– Я сейчас вернусь, – встаю. Мне нужно на свежий воздух. Иногда думаю, почему привычка курить не прижилась у меня, сейчас было бы кстати занять свои руки сигаретой, а голову –никотиновым дымом.

– Привет, – от этого голоса незаметно вздрагиваю, но не оборачиваюсь, засовываю руки в карманы брюк. – Симпатичная у тебя спутница.

– Забыл спросить твое мнение по этому поводу.

– Ну да, мое мнение тебя никогда не интересовало. Как поживаешь?

– Марин, чего ты хочешь? – вынужден все же повернуться лицом к бывшей жене. – Тебя там, случаем, не ждут? – ее зеленые глаза сверкают, губы растягиваются в соблазнительную улыбку.

Когда-то я сходил с ума по этой женщине, боготворил, полностью растворившись в ней, и делал все для нее, для ее блага и комфорта. Ей оказалось мало, она ушла к более состоятельному мужчине, легко переступив через мои чувства. Теперь я ее ненавижу, хочу стереть в порошок и пустить по ветру, лишь бы никогда больше не видеть эти чумовые глаза.

– А я вот думаю, может, тебя в гости пригласить, сына повидать, – ее рука хозяйски ложится мне на плечо. – Артур в командировке.

– И что? – дергаю плечом, ее прикосновения мне противны и одновременно обжигают. Обхожу, слышу за спиной смех. Точно ведьма.

– Никит, ты можешь обманывать свою пассивность до бесконечности, но мы с тобой знаем, что ты по-прежнему меня любишь, желаешь и мечтаешь обо мне. И не надо говорить о том, что это неправда и глаза бы твои на меня не смотрели. Это неправда! – нет смысла поворачиваться, я на уровне каких-то волн притяжения чувствую ее сзади себя. Самая главная причина, почему я не встречаюсь с сыном, не могу быть с ней рядом, она сводит меня с ума и будит во мне противоречивые чувства. Одного Пашку она не отпускает, ей нужен контроль наших встреч. Марина – мой яд, она отравляет меня и всю мою жизнь. Где бы найти противоядие?

– До свидания, – официально прощаюсь. Она смеется. Смеется, не скрывая своего торжества. Да, я в очередной раз проиграл этот подпольный бой с бывшей женой.

Глава 9

Аня

– Анька, давай тащи сюда эту кастрюлю с водой! – гроыхает на всю кухню властный голос Зинаиды Петровны, от которого вздрагиваю не только я, но и стены.

Прикусываю изнутри щеку, тащу нужную кастрюлю. Работа оказалась не такой, как я думала: меня тут использовали как «принеси, убери, помой, отвали». Ни о какой готовке речи и не шло. И все из-за того, что я не успела договориться с Еленой Антоновной по поводу медосмотра для санитарной книжки. Рашид (забавно, что заведение, называющееся «У Саньки», принадлежит человеку, далеко не похожему на Саню) закрыл глаза на отсутствие книжки, но не допустил меня к плите.

- Что ты возишься, как черепаха, толку от тебя ноль,

Зинаида Петровна раздраженно отнимает у меня кастрюлю, а я рада от нее избавиться. Присаживаюсь сразу на ближайший стул. Живот тянет уже несколько дней, сегодня утром обнаружила красные пятна на трусах. От страха, что с малышом что-то может случиться, выпила две таблетки но-шпы и одну магния В6. Деньги, что у меня были в запасе, таяли на глазах. Часть я отправила матери, кое-что оставила себе. У меня внезапно проснулся зверский аппетит, я постоянно хотела есть, чувство голода не покидало, даже если я только что позавтракала. Впереди маячила осень, из теплых вещей у меня только свитер, а там зима... В общем, паника накрыла меня сегодня утром конкретно. Проблемы всем весом легли мне на плечи и придавили своей тяжестью. Полине Сергеевне ничего не рассказываю, спасибо ей за то, что не требует плату за жилье. Никита куда-то уехал, неделю его не вижу, наверное, нарисовалась очередная командировка.

- Ань, иди вымой пол возле раковин, - дают мне очередное задание. Устало вздыхаю, плетусь за шваброй и ведром. Работа выматывает физически, каждый день у меня только одно желание - прийти домой, завалиться спать и не просыпаться по будильнику.

С работы выхожу одна из последних. Вяло иду к остановке, сил идти пешком нет. Внезапно возле меня останавливается черная незнакомая машина. Я вздрагиваю, настороженно смотрю на нее и потихонечку начинаю обходить ее стороной. Страх стискивает меня, оглядываюсь по сторонам. Уже стемнело, прохожих мало, может, если закричать, кто-то и придет на помощь, но я уже уяснила одно: людям наплевать на постороннего человека. В Москве даже не улыбаются просто так. С нарастающей паникой наблюдаю, как открывается дверь со стороны водителя и появляется... Никита.

– Вы меня напугали! – тихо возмущаюсь, запахиваясь сильнее в тоненькую кофту. Утром и вечером уже прохладно, днем еще сохраняется летнее тепло.

– Извини, не хотел. Садись, подвезу до дома, – кивает мне в сторону пассажирской двери. Некоторое время топчусь на месте, но усталость берет свое, и я иду в указанном направлении. В салоне машины тепло, пахнет искусственной кожей, хвоей. Еще никогда я не была с Никитой в столь тесном замкнутом пространстве.

– У вас машина? – лишь бы не молчать, потому что пока мы едем, меня может разморить и я усну.

– Да.

– Я раньше не видела ее возле дома.

– Она стояла там, где у меня квартира.

– Вы переехали, поэтому я вас не видела неделю? – Никита мельком бросается на меня ничего не выражающий взгляд, крепче сжимает руль. – Вас Полина Сергеевна попросила меня встретить?

– Да, – один ответ на два моих вопроса, без пояснений.

Все же Полина Сергеевна добилась своего, сын переехал. Мне становится неловко, я отвожу глаза в сторону. Не скажу, что присутствие Никиты как-то напрягало, но спорить с пожилой женщиной я не собиралась.

– Выглядишь усталой. Тяжелая работа?

– Нормальная работа, главное, чтобы платили, все остальное можно пережить, – улыбаюсь, украдкой рассматривая профиль мужчины. У него вновь отросла борода, не такая, как в нашу первую встречу, но и щетиной сложно назвать. На нем сейчас рубашка с расстегнутым воротом, темные брюки, значит, приехал с работы. От него веет спокойствием и уверенностью. В нем сосредоточено все то, чего бы я хотела для себя, для своего будущего.

- Вы больше не будете уезжать в командировки?

- Пока ничего интересного не предлагают, как только поступит что-то стоящее, сразу же уеду.

- Вам нравится путешествовать?

- Мне нравится моя работа. Я не люблю проводить время в душных офисах и видеть природу только из окна кабинета или машины.

- У вас отец был геологом? Полина Сергеевна не похожа на человека, которому интересны походы и природа, - мое замечание вызывает у Никиты теплую улыбку.

- Да, мама далека от этого, ее раздражает писк комара в квартире, какие уж походы. И отец далек от походов, он режиссер, руководитель театра в провинции.

- Тогда как в такой театральной семье родился ребенок с тягой к походам, если не секрет?

- Секрета нет. Когда мне было года полтора, мои родители разошлись, мама в поисках лучшей жизни уехала на Север. Там познакомилась с отчимом, который был как раз геологом. Пока мама покоряла театральные подмостки, мы с ним покоряли тундру, горы. Благодаря отчиму я стал тем, кем являюсь.

- Но потом отец вас забрал?

- Нет. Отец до сих пор где-то в своей провинции, я с ним встреч не искал, он тоже. Отчим по состоянию здоровья вынужден был осесть в городе, потом его пригласили в Москву преподавать в одном университете, куда я впоследствии и поступил после школы.

- Хороший человек был у вас отчим.

- Да. Мне его порой не хватает, - с грустью признается Никита, но, поняв, что проговорился о личном, поджимает губы.

Я понимающе улыбаюсь, отворачиваюсь к окну и задумываюсь. Может, и мне с малышом повезет встретить хорошего человека, который станет моему ребенку настоящим отцом. Ведь отец не тот, кто зачал, а тот, кто воспитал. Я понимаю, что Дима уже забыл о нашем существовании, строит свою жизнь с красоткой, которую я увидела рядом с ним, но в глубине душе безнадежно верю в чудо. Мне хочется верить, что иногда он все же вспоминает обо мне.

У меня неприлично громко на весь салон урчит желудок. Я сегодня не успела ни пообедать, ни поужинать, наспех съеденный пирожок едой не считается. Никита поворачивает голову в мою сторону, смотрит сначала на живот, потом на мое лицо.

– Заедем в магазин, – коротко бросает, не спросив меня ни о чем. Опускаю голову, прячу свое красное лицо в волосах. Куплю только молока и булочку, мне нужно быть экономной.

Машина останавливается возле магазина. Я отстегиваю ремень безопасности, беру с собой только кошелек. Никита выходит первым.

– Зайдем сначала в кафе, тут кормят вкусно, – он неожиданно берет меня под локоть, я испуганно вскидываю на него глаза. Тепло его пальцев растекается по моей руке и распространяется по всему телу. Неожиданно понимаю: мне нравится его прикосновение.

– Зачем?

– Ты хочешь есть, – лаконично отвечает, и спорить не о чем, но я все же делаю попытку отказаться от похода с ним в кафе, у меня все строго по бюджету.

– Спасибо, но, думаю, дома будет дешевле поесть. Давайте только в магазин заглянем и поедем, не надо никакого кафе.

– Я тоже голоден, Аня. Я угощаю, – обезоруживающе улыбается, сердце непривычно екает. Мне ничего не остается, как согласиться. В кафе Никита выбирает столик возле большого аквариума, я замороженно рассматриваю рыбок, пока не подходит официант с меню. Смотрю на цены, а желудок от прочитанных названий урчит все громче, сжимается в голодном спазме.

– Заказывай, что тебе хочется именно сейчас.

– Боюсь, что мои вкусы меняются со скоростью звука, – прикусываю кончик языка, смотрю на Никиту, но он, наверное, не услышал или не обратил внимания на мою реплику. Я не знаю, в курсе ли он моего положения, думаю, Полина Сергеевна не стала ему раскрывать мой секрет. Скрепя сердце, заказываю горячее, салат и стакан сока. Когда нас оставляют одних, нервно кусаю нижнюю губу, смотрю по сторонам, ощущая на себе пристальный взгляд Никиты.

– Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Устаю, работа физическая, много энергии уходит.

– Какая зарплата?

– Мне хватает, – опускаю глаза, рассматриваю скатерть.

На большую зарплату я не рассчитываю, надеюсь, что и с этой сумею что-то отложить для малыша на первое время. Цены в интернете меня пугают, поэтому я уже не первый день присматриваю кроватку, коляску на «Авито». Официант приносит наш заказ, какое-то время я занята едой. Когда ловлю на себе внимательный взгляд Никиты, шумно сглатываю.

– Я правда очень голодна.

– Ничего страшного. Обычно при мне с таким аппетитом девушки не едят, вечно ковыряются в тарелках.

– Вы просто не с теми общаетесь, – прикусываю щеку изнутри. – Извините.

– Бывает. Как тебе Москва?

– Шумная, вечно в движении, но я толком ничего не видела.

– В сентябре будет день города, сходите на гуляние с подругами и друзьями.

– У меня нет здесь друзей, – карие глаза удивленно на меня смотрят. – Мне некогда знакомиться с кем-то.

– А на работе?

– На работе все женщины в возрасте, я самая молодая. У меня даже нет времени, как у моих сверстников, посидеть в интернете просто так.

– А «личное дело»? – темная бровь вопросительно изгибается, я усмехаюсь над формулировкой его вопроса.

– «Личное дело» теперь уже не личное. Спасибо за поздний ужин, очень вкусно, – отодвигаю от себя пустую тарелку, беру стакан. Никита жестом руки подзывает официанта, просит принести счет. Когда он рассчитывается, мы не спеша покидаем кафе. Я, сытая и довольная, готова была сейчас заснуть прямо в машине.

Не разговаривая, доезжаем до дома. Ощущаю затылком взгляд Никиты, пока поднимаюсь по лестнице к лифту, в самом лифте вжимаюсь в стену, блуждаю взглядом, ни на чем конкретно не останавливаясь. Когда голод утолен, проблемы немного отодвинулись в сторону, я внезапно в полной мере осознаю присутствие Никиты как мужчины. Неожиданно цепляюсь взглядом за расстегнутый ворот рубашки. Взгляд поднимается выше, останавливается на его губах. Шумно выдыхаю, непроизвольно увлажняю языком уголки губ. Лифт замирает, и створки, к моей радости, раздвигаются в разные стороны. Сначала выхожу я, следом Никита. На площадке свет идет только с верхнего этажа, потому что на нашем лампочка перегорела еще утром. Пульс учащается, спина напрягается. Никита стоит очень близко, я чувствую его присутствие, мне даже оглядываться нет смысла. Как на зло, в сумочке никак не найду ключ, а найдя, не сразу попадаю в замочную скважину. Меня бьет крупная дрожь. Вздрагиваю, когда мою руку с ключом перехватывают, ключ уверенно входит в замочную скважину. Мы не двигаемся, а рука Никиты все еще сжимает мою руку. Немного поворачиваю голову в его сторону. Он слишком близко, настолько близко, что улавливаю ненавязчивый аромат его парфюма. Немигающим взглядом смотрю на его губы. Сердце ухает во мне филином, мне кажется, что его уханье в пустом подъезде очень хорошо слышно. Вдруг Никита резко убирает руку и отстраняется. Я растерянно оборачиваюсь.

– Открывай дверь, – его голос звучит глухо. Киваю, но он не видит кивка, открываю дверь. Вхожу и не закрываю ее за собой, думая, что Никита зайдет следом, слышу за спиной щелчок. Оглядываюсь через плечо и чувствую странное разочарование: Никиты сзади нет.

Глава 10

Несколько секунд смотрю на красное пятно, прикусываю губу. Елена Антоновна сказала, если «мазня» не прекратится, то она меня положит в больницу на сохранение. Выписала кучу лекарств, которые я исправно принимаю каждый день, и через некоторое время пугающая кровь прекратилась. Я выдохнула с облегчением. Накануне весь день провела на ногах, не было и минутки присесть. Люди толпами шли в кафе, чтобы посидеть в теплой компании. Вчера был день города. Вчера моей крошке исполнилось полноценных одиннадцать недель.

– Аня, завтрак уже остывает, – громко через дверь сообщает Полина Сергеевна.

– Иду, – торопливо умываюсь, расчесываюсь, убираю после себя все следы своего присутствия. Хоть мы и живем вдвоем с Полиной Сергеевной, я не исключаю возможность, что однажды у матери задержится Никита. Он, после того как проводил меня до дома, когда возникла во мне вот эта странная дрожь, редко появлялся перед моими глазами. Привозил продукты матери, наспех выпивал предложенный чай и уходил. Точнее, сбегал, как только я появлялась на пороге. Даже избегал смотреть мне в глаза.

Я не один раз прокручивала наш совместный вечер в кафе, позволяла своей фантазии зайти дальше – представляла, что он мой мужчина. Один раз воображение завело меня так далеко, что я реально ощутила, что у меня горят губы от воображаемого поцелуя. Больше на эту тему старалась не думать.

– У меня есть подруга, Ольга Викторовна, она работает в театре. Я с ней вчера переговорила, есть возможность устроить тебя билетным кассиром, – передо мной возникает тарелка блинчиков с творогом, чашка с чаем. Мои протесты по поводу чрезмерной заботы и опеки до пожилой женщины не доходили, она их пропускала мимо ушей и все делала по-своему. Вот и работа. Ей не нравилось, что я работаю на кухне, прихожу уставшей и выходные просто сплю, иногда

гуляю вокруг дома.

– Полина Сергеевна, я вам очень благодарна, но меня все устраивает в моей жизни.

– Зато меня не устраивает! – резко и недовольно высказывается Полина Сергеевна. – Пока ты доработаешь до декрета, от тебя останутся кожа да кости, удивительно, что ты еще не валишься с ног от усталости.

Опускаю глаза в чашку. На самом деле пару раз на работе мне было плохо. Перед глазами летали мушки, в уши словно набили ваты, и горизонт стал резко шататься. Мне давали несколько минут передохнуть. Вдыхаю. Сегодня должны выдать мою первую зарплату. Я на нее очень рассчитываю. Впереди уже прохладные вечера, нужно купить какую-то куртку и ботинки, что-то отправить маме, кое-что оставить для малыша. Денег катастрофически не хватает.

– О, Никита пришел, – Полина Сергеевна встает из-за стола, я обращаюсь в слух. Действительно, щелкнул замок, слышится возня, через минуту на кухне появляется Никита. Я вскидываю на него глаза, и против воли губы широко растягиваются в улыбку. Он сдержанно улыбается мне в ответ.

– Я забрал твой заказ на почте, коробка в коридоре. И фотографии, – протягивает матери белый конверт.

Я знаю, о каких фотографиях идет речь. Накануне первого сентября Полина Сергеевна жутко волновалась, подбирала наряды для очень важного дня: единственный внук шел в первый класс. Она все никак не могла поверить, что Никита нашел компромисс с бывшей женой, та разрешила родственникам присутствовать на торжественной линейке. Я тоже порадовалась, что лед между Мариной и Никитой тронулся, что, возможно, теперь Полина Сергеевна чаще будет видеть внука.

– Какой хорошенький. Любо-дорого смотреть на Пашу. Никит, на тебя похож. Такой же серьезный. Смотри, Анют, – протягивает мне несколько фотографий. На первой мальчик в школьной форме с красивым букетом цветов. У него русые волосы, карие глаза, очаровательная улыбка, от которой хочется улыбнуться в ответ. Не могу сказать, что он действительно похож на Никиту, но какие-то черты есть. Следующая фотография: Никита, Паша и женщина. Теперь я

понимаю, что мальчик наполовину похож на мать, наполовину – на Никиту. Женщина рядом с Никитой очень яркая, эффектная. Такую увидишь раз, всю жизнь будешь вспоминать. Ее уверенный взгляд в объектив говорит о том, что она знает, что взять от жизни и кого.

– Очень красивая у вас семья, Полина Сергеевна, – отдают фотографии, Никита все это время стоит возле окна с большой кружкой. Судя по одежде – темные брюки, бежевая рубашка, – он потом отправится на работу.

– Никит, ты потом на работу?

– Да.

– Подвези Аню до ее работы, – я сжимаюсь от этой просьбы, мне кажется, что Никита сейчас откажет, но он согласно кивает головой. – Вот и славно. А с тобой я еще вечером поговорю, – Полина Сергеевна устремляет на меня серьезный взгляд, теперь я киваю. Разговора не избежать. Встаю со стула, меня шатает, хватаюсь за край стола. Морщусь от резкой боли внизу живота.

– Я сейчас кофту возьму и поедем, – скованно улыбаюсь Никите, он смотрит, не мигая. Его отстраненность нервирует. Медленно, по стеночке иду в свою комнату.

– У тебя кровь, – слышу тихий голос Никиты, замираю на полпути. Полина Сергеевна ахает, а я хватаюсь за живот. Нет! Нет! Пожалуйста, только не выкидыш. Я боюсь пошевелиться, мне кажется, от одного моего движения случится непоправимое. Вновь ощущаю болевые спазмы внизу живота.

– Звони в «скорую», – спокойно командует мужской голос, чувствую, как Никита подходит ко мне. – Дыши. Что болит?

– Живот, – с тревогой смотрю на серьезное выражение лица Никиты. – Все будет хорошо, правда? – почему-то мне важно сейчас услышать именно от него слова поддержки, уверенности в том, что ничего не случится.

– Никита, они не отвечают. Что делать? – от паники в голосе Полины Сергеевне мне самой становится страшно, ищу в глазах Никиты успокоение.

– Где документы: паспорт, снилс, полис, карта беременности? – мне некогда удивляться его осведомленности, сейчас на первом месте мой малыш. Боль отступила, но я все еще боюсь сдвинуться с места.

– В моей комнате, в первом ящике комода.

– Я все принесу, – спохватывается Полина Сергеевна, Никита подходит ко мне вплотную.

– Я тебя отнесу на руках, поедем на моей машине в больницу. Боюсь, если будем ждать «скорую», спасать будет некого, – от его жестоких слов у меня на глазах выступают слезы, прикусываю губу. Он осторожно меня подхватывает, я рефлекторно обнимаю его за шею, утыкаясь ему в плечо. В ноздри ударяет его запах, согреваюсь его теплом.

Никита не торопится, не совершает каких-то резких движений, ощущение, что спасти беременных – это его основная профессия. Помогает удобно расположиться на заднем сиденье, захлопывает дверь. Я приподнимаюсь, вижу, как он забирает у Полины Сергеевны мою папку с документами, возвращается к машине. Садится за руль, хватая мобильник и плавно трогается с места.

– Вань, привет. Ты сегодня работаешь? Отлично. У тебя есть в гинекологии хорошие знакомые? Обязательно все расскажу, давай не по телефону. Минут через двадцать буду возле твоей больницы, благо, дороги пустые. Да. Кровотечение. Хорошо, – откладывает в сторону мобильный телефон, смотрит на меня в зеркало заднего вида. Я опускаю глаза, чувствуя себя виноватой.

Наглаживаю свой живот. Все будет хорошо, мой маленький. Больше не буду подвергать тебя опасности, только не оставляй свою маму одну. Слезы стекают к подбородку, капают мне на грудь. Все будет хорошо, как мантру, повторяю, слегка раскачиваясь из стороны в сторону.

– Приехали, – неожиданно подает голос Никита, я вздрагиваю и открываю глаза. Кажется, в своей попытке «поймать дзен» отключилась от реальности. Приподнимаюсь, Никита открывает дверь, подает мне руку. Я не обращаю внимание на легкое покалывание в пальцах, возможно, они от страха онемели.

– Девушку на каталку, – раздаётся рядом командный мужской голос. Руки Никиты меня подхватывают, переносят из машины на каталку.

– Иван Петрович, в гинекологию? – задает вопрос молодой парень, наверное медбрат.

– Да, к Ефремову. Давай документы и не уезжай, я из тебя душу вытрясу, – Иван Петрович показывает Никите кулак, трясет им, видимо, показывает, как будет вытрясать душу. Если бы я не переживала за малыша, я бы рассмеялась над этой дружеской угрозой.

– Я останусь, не переживай.

– В буфет иди, вернусь минут через десять. Сдам твою принцессу в надежные руки и приду, – теперь Иван Петрович заинтересовано смотрит на меня, идя рядом с каталкой. – Красивая, голубоглазая. Как зовут?

– Аня.

– Ну, Аня, как мы докатились до такой жизни? Или Никита виноват?

– Не виноват он, – кидаюсь на защиту Никиты, недовольно смотрю на Ивана Петровича. Он усмехается, смотрит куда-то вперед.

– Аркадий Владимирович, вот ваша очень дорогая пациентка, прошу любить и жаловать. Дите нужно сохранить, а то папка разнесет к чертям нашу скромную больницу, – вроде все сказано в шутовском тоне, а понимаю, что, на самом деле, говорят серьезно. Я открываю рот, чтобы запротестовать по поводу отцовства Никиты, но ко мне подходит мужчина в возрасте с доброй улыбкой.

– Все будет хорошо, – он сжимает мою прохладную ладонь, я зачарованно смотрю в его светлые глаза и согласно киваю головой: я ему верю всем сердцем, такие люди не буду лгать.

Смотрю на капельницу, на то, как по прозрачной трубке медленно движется капелька. Глаза все еще на мокром месте, а ком в горле до сих пор не дает нормально вздохнуть. Можно себя бесконечно ругать, но ситуация от этого не изменится. Мозги надо включать сразу, а не после, когда счет идет уже на секунды. Спасибо Никите за его оперативность, за то, что не позволил случиться беде. После суток в больнице, после контрольного УЗИ, после того, как меня всю искололи кровоостанавливающими препаратами, при утреннем обходе Аркадий Владимирович сообщил, что динамика положительная. Потом, уходя, добавил: если бы мы промедлили еще час-два, сейчас бы я плакала не от облегчения и радости, а от своей безответственности, от того, что не уберегла ребенка.

Дверь палаты открывается, я с удивлением смотрю, как в белом халате, в бахилах входит Никита. В руках он держит синий пакет. Сдержанно мне улыбается, оглядывается по сторонам, берет стул и идет ко мне. Я нахожусь в одноместной палате, но знаю, что посещения в отделении запрещены.

– Привет, – садится на стул, поправляет халат, который вот-вот сползет с его плеч.

– Здравствуйте, – смущенно улыбаюсь. Мне неловко лежать перед ним в одной ночнушке, считай, почти голой. Карие глаза серьезно и придирчиво меня рассматривают.

– Как ты?

– Все хорошо. Спасибо вам, – Никита на секунду позволяет уголкам губ дернуться в подобии улыбки, но тут же себя одергивает.

– Я принес твой телефон, зарядку. Мама тут еще что-то положила, – кивает на пакет в своих руках.

– Спасибо. Я вчера обо всем забыла от страха.

– Неудивительно. Любая бы испугалась. Ваня сказал, что тебя могут из больницы выписать через неделю.

– Да, Аркадий Владимирович тоже самое сказал, будет смотреть по самочувствию и анализам. Никита, я могу вас кое о чем попросить? – он кивает головой. – Мне неудобно напрягать вас своими делами, но больше некого. Не могли бы вы съездить ко мне на работу и забрать мою зарплату, ее вчера выдать должны были.

– Ты уверена, что мне отдадут ее?

– Я позвоню Зинаиде Петровне, она предупредит Рашида.

– Рашид? – темные брови удивленно взлетают вверх.

– Это хозяин кафе, понимаю, что смешно, но такая вот ирония судьбы: кафе называется «У Саньки», а владелец Рашид.

– Хорошо, я съезжу. Что-то еще?

– Только это.

– Ань, конечно, не мое это дело, но мне любопытно, а где второй участник счастливого события? – судя по тону, Никита явно осуждает Диму, потому что тот не топчется под окнами и не переживает за меня и ребенка. Я отвожу глаза в сторону. Мое молчание длится больше минуты, Никита тяжело вздыхает.

– Кто-то может о тебе позаботиться? Родители, тетя, дядя, сестры?

– У меня никого нет, я сама помогаю маме, ведь папа стал инвалидом. Я справлюсь.

– Я вижу, как ты справляешься. Ты же понимаешь, что если хочешь родить здорового ребенка, то тебе нужно себя беречь.

– Еще скажите, что женитесь на мне, – со смешком смотрю на Никиту, он усмехается.

– Нет, но советую тебе прислушаться к моей матери. Она действительно желает тебе добра, беспокоится, как о родной дочери. Ты ее вчера напугала.

– Я прошу прощения, я не хотела, чтобы мои проблемы касались еще кого-то, кроме меня.

– Но так получилось, что твои проблемы стали нашими. Так бывает, приходишь в чужой дом, ничего не ищешь, а получается, что встречаешь людей, которые равнодушны к твоей беде. Значит так, Аня, – Никита достает свой телефон из кармана халата, снимает блокировку. – Диктуй свой номер телефона, сделаю дозвон, – послушно называю свой номер телефона, в пакете вибрирует мой мобильник.

– Звони в любое время. Я завтра уезжаю в экспедицию на месяц, связи может и не быть, но сообщения с задержкой доходят.

– Мне так неудобно перед вами. И спасибо, что привезли в больницу, если бы не вы, то... – ком в горле перекрывает дыхание, глаза наполняются слезами. Я еще не скоро приду в себя от потрясения, теперь к моему страху перед будущим, прибавился страх за ребенка.

– Не надо плакать, все же обошлось, – протягивает руку и смахивает с моих щек скатившиеся слезы. Я напрягаюсь, Никита тоже застывает, смотрит в глаза темным взглядом. Сложно объяснить, что сейчас между нами происходит, но что-то есть. Что-то такое, чему я не могу подобрать название. Интерес? Возможно. Не знаю и знать не хочу, я не готова к новым чувствам. Сейчас, когда угроза потери ребенка миновала, приняла для себя четкое решение: мне никто не нужен рядом, кроме моего малыша. Я буду внимательно теперь прислушиваться к тому, что мне говорят, и принимать решения, которые принесут пользу ребенку. Никита не входит в мои планы на жизнь.

– Никит, – в палату заходит Иван Петрович, показательно отворачивается, давая улыбку. Никита одергивает руку от моей щеки, как от огня, сжимает кулак.

– Звони, если что, – сдержанно улыбается, встает. Мы смотрим друг другу в глаза. Первая не выдерживаю я, смотрю на терпеливо ждущего Ивана Петровича.

– Никита, я пропустил тебя в виде исключения после твоих слезных обещаний, но сейчас должен приехать главный, и полетит моя головушка за нарушение

правил.

– Я услышал. Ань, поправляйся, береги себя и ребенка.

– Спасибо. До свидания.

– Ник, пошли, ничего с твоей принцессой не случится, пока ты будешь лазить по горам да лесам. Будем за ней внимательно присматривать, наблюдать. Даю честное пионерское слово, сам лично отвезу девушку к твоей матери, – я краснею, Иван Петрович подмигивает, Никита уже стоит ко мне спиной, поэтому я не вижу его реакцию.

Что же он сказал своему другу? Что я его девушка? Что ребенок от него? Уверена, что не случайно оказалась в одноместной палате, что не просто так ко мне повышенное внимание со стороны персонала. Медсестра очень часто заглядывает ко мне, интересуется самочувствием и моими пожеланиями. С одной стороны, мне приятна забота, ведь всем хочется чувствовать себя кому-то нужными. С другой стороны, это ни к чему, мы чужие друг другу, он не обязан за меня просить и хлопотать. Об этом я с ним поговорю, когда он вернется из командировки, а я уже буду дома.

Глава 12

Никита

– Ник, стой, – меня догоняет Ванька на выходе. Я нетерпеливо жду друга, перебирая в руках ключи от машины. Останавливается передо мной, прищуривает глаза.

– Ты так и не объяснил, что происходит, кто эта девушка.

– Меньше знаешь – крепче спишь, Ваня.

– Ты же знаешь, что я от тебя не отстану, еще Сашку на подмогу позову. Не томи, расскажи, как это ты умудрился вести показательную монашескую жизнь

и втихаря заделать ребенка малолетке, – хмурюсь и, двигая челюстью, тяжело смотрю на веселого друга.

– Все не так, как выглядит со стороны. Я к этой девушке вообще не имею никакого отношения.

– То есть ребенок не твой? – недоверчиво смотрит на меня.

– Не мой. Извини, Вань, времени в обрез, нужно еще собраться в командировку. Как вернусь, обязательно посидим, – хлопаю друга по предплечью, торопливо сбегая с крыльца, иду в сторону парковки. Я понимаю интерес Вани, вчера мне тоже некогда было объяснять, что происходит. Пока ждал его, позвонил шеф и потребовал немедленного присутствия на работе. В итоге, откровенного разговора не состоялось. Вечером позвонил, поинтересовался состоянием Ани и попросил нелегально провести меня в ее палату. У меня было очень много вопросов к девушке, да и к матери тоже. Вот матери я сегодня как раз и задам вопросы, на которые мне Аня так и не ответила. Ее халатное отношение к себе и к своему положению никак не укладывалось в голове.

К кафе я подъезжаю ближе к обеду. Не самое удачное время, но другого не было. На работе вновь решили возложить на меня все полномочия руководителя, взвалили часть бумажной работы, которая раздражает. Именно поэтому я не соглашаюсь на предложенную должность в офисе.

В обеденный перерыв народу в кафе хватает, в основном мужчины. Направляюсь к кассе, за которой сидит грузная женщина с недовольным выражением лица.

– Добрый день, подскажите, где я могу найти Рашида?

– По какому вопросу? – окидывает меня придирчивым взглядом, поджимает накрашенные розовой помадой губы.

– По личному.

– По личному подходите после шести.

- После шести я уже приду с налоговой и СЭС. Думаю, что им будет интересно пообщаться с руководством этого заведения, - очаровательно улыбаюсь, сохраняя жесткость в глазах. Женщина - под впечатлением, потому что сразу же покидает свое теплое место и уходит куда-то вглубь. Не проходит и трех минут, возвращается кассирша с пожилым мужчиной.

- Добрый день, чем могу быть полезен?

- Добрый, у вас работала Романова.

- Да, работала, вы верно отметили. Вчера имела наглость не явиться на работу, я ее уволил.

- Вот так просто? С явным нарушением трудового кодекса?

- Она не оформлена... - прикусывает язык, я вскидываю брови вверх. Вообще замечательно. Девочка надрывается, ставит под угрозу жизнь неродившегося ребенка, ради чего? Очень хочется отчитать эту Аню за дурь в ее голове. Интересно, мать знала?

- Девушка сейчас в больнице. Просила забрать свою заработную плату за отработанный месяц, - мужчина открывает рот, я прищуриваю глаза, тут же закрывает. Она сюда не вернется. Конечно, если ей плевать на жизнь малыша, то ради бога. Только знаю, что это не так. Вчерашняя паника в глазах подсказала мне, что девочка хочет сохранить этого ребенка.

- Вы ее муж?

- Она сказала, что позвонит Зинаиде Петровне и предупредит, - игнорирую вопрос. За сутки меня уже и в папаши записали, и в мужья.

- Зина! - от этого крика уши закладывает.

- Чего ты орешь, Рашид, - откуда-то сбоку появляется тучная женщина в некогда белом халате, с колпаком на голове.

- Романова тебе звонила?

– Ага, сказала, что хахаль приедет за бабосиками. Приехал? – с любопытством смотрит на меня.

Рашит недовольно вытаскивает из внутреннего кармана пиджака портмоне. Я с удивлением и некоторой брезгливостью смотрю, как отсчитывают деньги. Мне их даже в руки не хочется брать. Убивает не только это, но и то, что тут все делается не по закону, например легко отдают чужую зарплату незнакомому человеку. Я до последнего верил, что у меня потребуют какие-то документы, дадут ведомость, ну хоть что-то, что укажет на серьезность этого заведения.

– Вот, – протягивает мне купюры, я на автомате беру и пересчитываю. Десять тысяч. Seriously? Поднимаю глаза, видимо в моих глазах не только недоумение, но что-то еще такое, что заставляет этого жмота отсчитать еще пять тысяч.

– Больше она не заслужила. По-хорошему, ее надо оштрафовать за вчерашний прогул.

– По-хорошему, сюда надо направить нужные организации для проверки, – складываю деньги пополам, прячу их в задний карман джинсов. – Больше она сюда не вернется.

– Э-э... – я недослушиваю мужика, отворачиваюсь и ухожу. Таких зарплат я сто лет не видел, я лично десять тысяч получал, когда был еще студентом. То ли на кухне действительно так мало платят, то ли просто решили на девчонке сэкономить. Раздраженный, злой, приезжаю к матери.

– Никита, ты был у Ани? Как она там? Что врачи говорят? – обрушивает на меня шквал вопросов мать, едва только я перешагиваю через порог.

– И тебе здравствуй, мама, – недовольно сверлю мать глазами, снимая ботинки. Вытаскиваю деньги, протягиваю ей. Берет и вопросительно смотрит на меня.

– Это зарплата Ани в том кафе. Ты знала, где и в каких условиях она работала?

– Я знала, где, но не уточняла, в каких условиях.

– Мам, ладно она, молодая провинциалка без мозгов в голове, но ты куда смотрела? – не замечаю, как повышаю голос.

– А чего ты на меня так орешь, словно Аня твоя девушка и ребенок твой, – прищуривает глаза, мне не нравится эта хитринка, стискиваю зубы. Прохожу мимо матери, на кухне наливаю в стакан воды. И правда, чего это я тут ору, словно меня все происходящее касается.

– Тебе она нравится? – спрашивает в лоб, точнее, в спину мне. Я оборачиваюсь, прислоняюсь к подоконнику.

– Нет. Просто жалко дурачку. Уверен, ты знаешь всю историю ее недолгой жизни. Рассказывай.

– Она приехала в Москву к своему, уже бывшему, молодому человеку, когда узнала, что ждет ребенка. Он отказался принимать участие.

– Понятно. Почему она не уехала обратно к себе домой? У нее родители есть? Или сирота? – у меня в голове такая каша, что не могу вспомнить, что сам знаю, а о чем догадался.

– У нее отец стал инвалидом, она помогает матери. Ей с ребенком на руках дома будут не рады.

– И ты решила ее приютить?

– Я ее прекрасно понимаю, в свое время у меня была похожая ситуация.

– Не сгущай краски. Отец все-таки был рядом.

– Три раза «ха-ха». Он приходил, как гость, никогда у него не было ни денег, ни желания иметь ребенка. Спасибо Богу, что сын вырос не его копией. Мне помогла Агафья Михайловна. Именно она меня успокоила, настроила на то, что я смогу родить и сама достойно воспитать ребенка. Ее слова оказались пророческими, ты тому доказательство.

– Меня воспитал отчим, а не ты, если быть честными до конца, мама.

– Вот и ты достойно воспитаешь Аниного малыша, – ловко вставляет в наш разговор ошеломительное предложение, от которого у меня брови ползут на лоб, а челюсть чуть ли не до пола падает.

– Ты серьезно? Ты думаешь, что говоришь?

– Я все продумала. Аня молодая, ей нужна поддержка. Я вижу, что вы нравитесь друг другу, а где симпатия, там и любовь рядом.

– Мам, ты в роли свахи себя решила попробовать? Оттачивай свои навыки на ком-то другом, а не на мне. Надеюсь, когда я вернусь из командировки, эта чушь вылетит из твоей головы. Что касается Ани, я ничем помочь не могу. Жениться и воспитывать ребенка не входит в топ моих планов на пять лет точно, мне бы наладить отношения с имеющимся уже сыном.

– Никита...

– На работу в то кафе ей лучше не возвращаться, иначе не было смысла сохранять беременность. Устраивай ее на другое место, уверен, ты уже по этому поводу подсуетилась. Можешь подбить клинья к сыну своей Лилии, он вроде до сих пор не женат, а мамочка уже мечтает о внуках. Вот и сведите двух голубков. На этом у меня все, завтра утром я улетаю на Дальний Восток, вернусь через месяц. Деньги на карту переведу, думаю, тебе и Анечке на жизнь хватит, – мама оскорбленно задирает подбородок, я понимаю, что в конце перегнул палку, но мать вывела меня из себя. Залпом выпиваю воду, ставлю стакан на поднос, подхожу к матери, сжимаю ее плечи.

– Мам, я знаю, что у тебя очень доброе сердце, понимаю, что хочешь помочь девушке, но не надо меня в это впутывать. Поеду домой, – целую в щеку, мать еще демонстрирует обиду.

– Береги себя, – все же произносит, поспешно чмокая меня в небритую щеку.

Аня

Месяц спустя

Смотрю на время, еще десять минут, и можно закрывать кассу. Я согласилась на предложение Полины Сергеевны по поводу работы. После выписки из больницы мной руководил страх потерять малыша. Я строго выполняла все предписания врача, я сразу же решила, что возвращаться в кафе мне нельзя, скрепя сердце пошла работать кассиром в билетную кассу одного из театров.

Раз в неделю после работы я захожу в торговый центр. Меня большего всего интересуют детские отделы. Я уже считаю дни до первых шевелений малыша. В интернете прочитала, что при первой беременности у некоторых они могут возникнуть в шестнадцать недель. На одном «мамском» форуме писали, что по ощущениям – это словно внутри тебя плавает рыбка. Вот и жду, когда моя «рыбка» даст о себе знать, каждый день перед сном задираю футболку, глажу себя по еще плоскому животу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kostrova_valentina/vneplanovaya-beremennost

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)